

Из-за нынешнего сезона культур, которые можно было посадить в теплицах, оставалось немного. Серьёзно выращивать основные зерновые придётся только весной следующего года. Но это не мешало Чэнь Цину с нетерпением посадить несколько распространённых листовых овощей, которые быстро дают всходы.

Даже в теплицах, с углублением зимы, овощи теоретически всё равно должны были расти медленнее, чем в тёплое время.

Когда Чэнь Цин получил семена от Цзян Лэ, больших надежд он не питал. На вид эти семена ничем явно не отличались от обычных семян времён до апокалипсиса. Чэнь Цин решил, что это просто обычные семена, которые Цзян Лэ сохранил сам.

Но когда Чэнь Цин попробовал их посадить, он понял, насколько они отличаются.

Температура почти не влияла на эти овощи. После посева и полива они на следующий день показались из земли, а за десять с лишним дней уже приобрели вполне приличный вид, нежный, свежий и зелёный.

Однако после психологической тени, оставленной мутировавшими грибами, Чэнь Цин не стал сразу расширять посадки или срывать овощи и выпускать их на рынок базы. Вместо этого он первым сделал себя подопытным: если после некоторого времени еды не появится никаких отрицательных реакций, тогда можно будет увеличить масштабы посадок.

Когда Цзян Лэ прибыл на 1-ю базу, Чэнь Цин уже ел пробные овощи три дня, минимум по два раза в день.

В отличие от большинства семян после апокалипсиса, где даже если урожай удавалось вырастить, вкус из-за искажения часто становился странным, овощи из семян Цзян Лэ по вкусу почти не отличались от довоенных. Если уж говорить о разнице, то, возможно, они были даже вкуснее, чем до катастрофы.

Убедившись в этом, Чэнь Цин пришёл в восторг. Единственной проблемой оставалось то, что семян было слишком мало. Ему придётся постараться сохранить семена через собственные посадки.

Услышав от охранника, что Цзян Лэ снова пришёл, Чэнь Цин лично вышел и отвёл его в тепличную зону.

Цзян Лэ вместе с Чэнь Цином вошёл в одну из теплиц. Температура здесь была заметно выше, чем снаружи. На грядках росло несколько разных овощей, и лучше всего, быстрее всех, подрастала мелкая зелёная капуста.

Цзян Лэ присел, кончиками пальцев пошевелил листья и осмотрел рост сверху донизу. Можно было сделать вывод: после выхода за пределы фермы культуры тоже растут неплохо. Просто из-за отличий в удобрениях, почве и прочих условиях они не могли полностью сравняться с фермерскими, но результат уже был намного лучше, чем ожидал Цзян Лэ.

И хотя с виду эти овощи оставались обычными культурами, опыт фермы 3-го уровня позволял им не уступать большей части внешних обычных мутировавших растений. Поэтому Чэнь Цин сейчас, вероятно, ещё не обнаружил одного факта, но потом обязательно обнаружит: земля, где посажены эти овощи, почти не подвергается нападению мутировавших растений.

Видя, что Цзян Лэ, похоже, доволен результатами его посадок, Чэнь Цин немного тревожно

спросил:

— Брат Цзян, у тебя ещё есть лишние семена? Можешь выделить нам немного? Мы не будем брать бесплатно, обменяем на кристаллические ядра! У нас здесь есть связь не только с собственной базой, но и с несколькими соседними. Я думаю, если получится, пусть они тогда тоже посадят эти семена. В следующем году давление на убежища в районе Хайши должно стать меньше.

У нескольких крупных баз Хайши и правда в той или иной степени имелось официальное прошлое. Среди них хватало обладателей способностей, которые хотели нормально строить базы.

В прошлой жизни, когда Цзян Лэ только присоединился к базе в Хайши, ситуация действительно ещё не была такой плохой, как позже. Хаос становился всё серьезнее по мере гибели 1-й базы и постепенного истощения накопленных до апокалипсиса промышленных ресурсов.

Если ресурсов будет достаточно, возможно, всё это ещё не лишено шанса на спасение.

Цзян Лэ встретился взглядом с Чэнь Цином. По крайней мере, он мог быть уверен: Чэнь Цин действительно хочет сделать что-то хорошее.

— Хорошо, — сказал Цзян Лэ. — Перед уходом я оставляю вам ещё немного семян.

Тревога Чэнь Циана сменилась радостью. Он посмотрел на эту полную зелени грядку и впервые за долгое время отчаяния нашёл крошечный просвет надежды.

Цзян Лэ не задержался на 1-й базе. Выйдя из теплиц, он уже собирался уходить. Он лишь рассказал Чэнь Циному, откуда взялись эти спасённые обычные люди. Поскольку невозможно было точно определить, все ли они оказались в институте полностью вынужденно, доверять их невинности без оглядки тоже было нельзя. Поэтому он попросил Чэнь Циана быть внимательнее при размещении людей и принять кое-какие меры предосторожности.

Чэнь Цин проводил Цзян Лэ до ворот базы и спросил, как в будущем связаться с ним при необходимости.

Цзян Лэ тоже хотел использовать 1-ю базу как окно, чтобы наблюдать за дальнейшим развитием Хайши. Подумав, он сказал:

— После Нового года я приеду ещё раз. Если не я лично, то кто-то, кому я доверяю.

Пока они разговаривали, внезапно послышались шаги. Кто-то бежал в их сторону. Цзян Лэ обернулся и увидел Лю Цзяньхуа и Лю Тяньяна. Услышав, что Цзян Лэ пришёл, эти двое примчались со всех ног. На этот раз они во что бы то ни стало хотели уйти вместе с Цзян Лэ.

— Лэлэ, ты в прошлый раз ушёл так быстро, почему с папой не поговорил?

— Именно, брат, мы не хотим здесь оставаться. На какой ты сейчас базе? Мы пойдём с тобой.

Говоря это, они хотели ухватить Цзян Лэ, но под его холодным взглядом всё-таки не посмели протянуть руки.

Неожиданно следовать за Цзян Лэ хотели не только отец и сын Лю. Из обычных людей,

вышедших из исследовательского института, включая Нин Вэньвэнь, примерно семь или восемь человек тоже хотели уйти вместе с ним.

Именно из-за того, что Лю Цзяньхуа и Лю Тяньян были отцом и младшим братом Цзян Лэ, на 1-й базе к ним относились весьма уважительно. Они же хотели уйти с Цзян Лэ лишь затем, чтобы отправиться за ним туда, где можно жить хорошо и ничего не делать.

Цзян Лэ не хотел с ними препираться. Он позволил Чэнь Цину и другим обладателям способностей полууговорами, полусилой увести Лю Цзяньхуа и Лю Тяньяна обратно. Сам он вместе с обычными людьми, вышедшими из исследовательского института, остался стоять за воротами 1-й базы.

Однако перед Нин Вэньвэнь и остальными Цзян Лэ не стал сразу принимать решение. Он какое-то время смотрел на них оценивающе.

— Вы хотите пойти со мной?

Нин Вэньвэнь видела задумчивое выражение Цзян Лэ и немного нервничала. Но на обычной базе они и правда не чувствовали безопасности. Пережитое после апокалипсиса заставляло их инстинктивно хотеть держаться рядом с сильным человеком, в какой бы форме это ни было.

— Это немного... не очень удобно, — сказал Цзян Лэ, осмотрев их с ног до головы.

По сравнению с типичной для апокалипсиса худобой обычных людей, эти были прямо округлые и ухоженные. Как ни посмотри, на людей, способных работать, они не походили.

Нин Вэньвэнь прочистила горло и изо всех сил придала себе мягкий, покорный вид. На лице у неё было написано: какие бы условия ни предложил Цзян Лэ, она согласится.

— Мы готовы делать всё что угодно!

Остальные, мужчины и женщины, думали примерно так же. Это была логика выживания, которую красивые молодые люди усвоили и к которой приспособились после апокалипсиса.

Тем более Цзян Лэ был таким красивым. В сравнении с прежним, можно сказать, они даже оставались в выигрыше.

Но Цзян Лэ думал совсем о другом. Если эти люди действительно просто обычные люди, то привести их обратно и использовать на полевых работах тоже не проблема. Но если среди них затесался кто-то, связанный с силами, стоящими за исследовательским институтом, тогда тем более стоит взять их с собой. Пусть Фэн Юнь с ними поговорит. Если там и правда окажется шпион, как раз можно будет вытащить его и допросить, а Цзян Лэ получит больше сведений об исследовательском институте.

— Ладно, — после размышления Цзян Лэ решил, что ничего плохого в этом нет, и сказал задумчиво: — Если вы согласны сажать землю.

Нин Вэньвэнь и остальные, у которых в голове крутились самые разные мысли:

— А?

* * *

После нескольких дней пути они наконец вернулись в деревню Цзянцзя. К удивлению Цзян Лэ,

в тех домах деревни, которые пустовали много лет, сейчас кто-то жил. Людей было немного, примерно с десятков.

Среди них были и обычные люди, и обладатели способностей невысокого уровня. По виду они походили на беженцев, добравшихся сюда скитаниями.

У одной женщины в руках были овощи, явно произведённые на ферме.

Столкнувшись с внезапным появлением Цзян Лэ и его спутников, эти люди заметно напряглись и не стали сами подходить за разговором.

Цзян Лэ тоже не пошёл спрашивать, как они здесь оказались. Изначально район деревни Цзянцзя находился в нескольких километрах от фермы, но с постоянным расширением посадочной площади фермы теперь расстояние осталось всего в один-два километра. Окружающие мутировавшие растения тоже входили в зону зачистки фермы, поэтому здешние дома в основном сохраняли пригодное для жилья состояние.

Мао Сяофэй тоже часто приходил сюда патрулировать. Если бы люди фермы не согласились, эти беженцы никак не смогли бы здесь жить.

На время отложив это дело, Цзян Лэ сначала привёл Нин Вэньвэнь и остальных на ферму.

Стоя перед воротами Фермы Мира, после того как ворота открылись, Нин Вэньвэнь наконец поняла, что слова Цзян Лэ о «сажать землю» действительно означали буквальное земледелие.

За это время Цзян Лэ почти месяц не возвращался, и на ферме произошло немало изменений.

Он сначала позвал Мао Сяофэя и велел найти Фэн Юня. Когда Фэн Юнь пришёл, Цзян Лэ тихо сказал ему несколько фраз на ухо, а затем поручил ему отвести Нин Вэньвэнь и остальных в боковой офисный корпус и по отдельности с ними поговорить.

Сам же Цзян Лэ посмотрел на Мао Сяофэя, чьё лицо было слегка тревожным.

— Расскажи, что происходит в деревне Цзянцзя.

Мао Сяофэй заволновался и, поглядывая на выражение лица Цзян Лэ, рассказал всё в общих чертах.

Эти люди пришли скитаниями вскоре после того, как Цзян Лэ покинул ферму. Были семьи, были друзья. После апокалипсиса они бродили с места на место и жили в постоянном страхе. Случайно столкнулись с Мао Сяофэем, который обходил окрестности базы. Мао Сяофэй увидел, что среди них есть старики и дети, мужчины и женщины, и не смог остаться равнодушным.

Вернувшись, он посоветовался с Кун Шуя и остальными, после чего они решили молчаливо позволить этим людям поселиться поблизости. В обычное время им также разрешали обменивать кристаллические ядра на овощи, мясо и другие ресурсы фермы.

Обычно эти люди собирали поблизости низкоуровневые кристаллические ядра мутировавших растений. В конце концов, на ферме стоял автомат обмена валюты, через который их можно было поменять на системные монеты для покупок, а продукция фермы стоила не так уж дорого. Поэтому прокормиться они могли. К тому же окрестности были безопасны, и психологическое давление резко уменьшилось. Сейчас они живут здесь уже больше десяти

дней. Ничего не случилось, и обе стороны привыкли друг к другу.

Но в любом случае это было самовольное решение. Будучи людьми, которых самих укрывал Цзян Лэ, они без его разрешения приютили других рядом с фермой. Это было неправильно.

— Брат Цзян, я не давал им приближаться к ферме. Каждый день, когда обменивал им припасы, я брал достаточно кристаллических ядер. По подсчётам ферма не уходила в минус.

Настроение Цзян Лэ оказалось не таким плохим, как ожидал Мао Сяофэй. Приютить рядом с фермой несколько безвредных людей рано или поздно всё равно пришлось бы. Можно даже сказать, что однажды придут и не такие соблюдающие правила люди. А существование фермы как раз и нужно для того, чтобы все, кто хочет укорениться поблизости, подчинялись её правилам.

— Я не виню тебя, — сказал Цзян Лэ. — Ферма изначально не планировала полностью отрезаться от внешнего мира. Достаточно убедиться, что они живут в зоне фермы и не делают ничего, что может ей навредить.

Тревога Мао Сяофэя наконец улеглась. Он энергично закивал.

— Угу, угу! Я обязательно буду за ними смотреть.

Закончив разговор, Цзян Лэ отпустил Мао Сяофэя обратно к работе. Ещё через десять с лишним минут Фэн Юнь вывел Нин Вэньвэнь и остальных.

Фэн Юнь покачал головой Цзян Лэ. Это означало, что он не услышал среди них никаких подозрительных мыслей. Эти люди в основном были силой похищены в исследовательский институт. В обычное время, кроме места, где они жили, им не разрешали приближаться ни к какой другой зоне даже на полшага. Поэтому даже те, кто провёл в институте несколько месяцев, ничего не знали о закулисной информации исследовательского института.

Цзян Лэ из-за этого не разочаровался. По крайней мере, это исключало возможность, что они шпионы.

Но пока Нин Вэньвэнь и остальных тоже нельзя было оставлять на ферме. Общежитие для работников внутри фермы ещё не расширили, поэтому этих людей сначала устроили в деревне Цзянцзя, где они стали соседями остальных беженцев.

Хотя возвращение на ферму было похоже на возвращение домой, времени на отдых у Цзян Лэ было немного. Дел, которые требовали его участия, накопилась целая гора.

Сначала нужно было расширить ферму.

За эти десятки дней предыдущая партия работников уже полностью привыкла к жизни на ферме. Текущая посадочная площадь как раз соответствовала их объёму работы. Пора было открывать новые земли и нанимать новых работников.

Что сажать на каждом участке, что разводить, как максимально увеличить приток системных монет, как максимально увеличить опыт и быстрее всего добиться положительного оборота фермы — всё это Цзян Лэ должен был обдумать.

Часть системных монет нужно потратить на покупку новой земли, часть — на расширение общежития работников, часть — на покупку различных семян и саженцев, затем надо

распределить даты посева и сбора. На одно это у Цзян Лэ ушло почти два-три дня.

Эти два-три дня он в основном находился на ферме. Так ему было удобно одновременно планировать и в любой момент проверять ход восстановления волчонка.

Трещины на кристаллическом ядре волчонка, появившиеся из-за ранения, уже почти срослись. Все показатели тоже приближались к норме. Во сне он больше не был совершенно неподвижен: иногда слегка дёргал лапами в воздухе. Всё это показывало, что его состояние непрерывно улучшается.

Битва в исследовательском институте на этот раз тоже принесла биологическому справочнику невиданный прежде прогресс исследования.

За один раз были убиты несколько зверей-мутантов 5-го уровня и одна мутировавшая черепаха 6-го уровня. Показатель исследования справочника достиг нового этапа и снова разблокировал новый предмет.

Уровень синтезатора кристаллических ядер повысился: со среднего стал высоким. Одновременно с ростом успешности синтеза расширился и диапазон предметов, которые можно синтезировать.

Сначала он мог синтезировать кристаллические ядра, потом — кристаллические ядра зомби, а теперь мог синтезировать оружие на кристаллических ядрах.

Оружие на кристаллических ядрах, как следовало из названия, соединяло кристаллические ядра с оружием. Например, повреждённый рыбий костяной нож Цзян Лэ: сама рыба кость была особым и очень твёрдым материалом. А если добавить подходящее кристаллическое ядро, то послековки в синтезаторе костяной нож сможет вобрать соответствующие особенности ядра и получить разные усиления: чувствительности, силы, прочности и так далее.

Для Цзян Лэ хорошее оружие тоже было крайне важным инструментом.

Сейчас у него на складе, кроме скелета мутировавшей гигантской рыбы, был ещё твёрдый панцирь мутировавшей черепахи. Всё это отличные базовые материалы. Как только Цзян Лэ найдёт подходящее кристаллическое ядро, он сможет выковать из них подходящее оружие.

Из исследовательского института он привёз не только панцирь, но и остальные припасы, которые тогда целиком забрал на склад.

Только сейчас у Цзян Лэ появилось время внимательно посмотреть, что именно там есть.

Большую часть составляла еда всех видов: в пакетах, в банках. В исследовательском институте было несколько генераторов и ещё ледник. Разных видов мяса там тоже хранилось немало.

Оставшиеся непищевые припасы были такими разнообразными, будто это настоящий универсальный магазин. Среди них оказалось даже немало книг.

Цзян Лэ не стал просматривать всё поштучно, а только бегло пролистал список на электронном экране у склада. Судя по названиям, книги не были чем-то особенным: для разных возрастов, на разные темы. Совсем не такие книги, какие, по представлению Цзян Лэ, должны были бы лежать в злодейском исследовательском институте.

Но в конце списка на электронном экране одна строка привлекла внимание Цзян Лэ.

«Один лист бумаги с рисунком».

Цзян Лэ извлёк этот пункт со склада и обнаружил, что лист на самом деле был вложен в неприметную книгу. При этом сказать, что на нём был рисунок, значило слишком его похвалить. Простые линии на листе вообще нельзя было назвать рисунком: несколько разбросанных кругов, соединённых между собой линиями.

Словно какой-то ребёнок нарисовал это наугад и небрежно вложил в книгу.

Если бы системный склад не дробил каждую помещённую внутрь вещь на отдельные пункты, Цзян Лэ, возможно, всю жизнь не обратил бы внимания, что этот лист существует.

Он осмотрел бумагу с обеих сторон, даже поднёс к носу и понюхал. Обычный запах детских фломастеров.

Цзян Лэ покачал головой, небрежно вложил лист обратно в книгу, снова убрал её на склад и вернулся к другим делам.

Кровавая лоза стала проводить снаружи больше времени и теперь уже не очень хотела сидеть в пространстве. Цзян Лэ просто выпустил её свободно гулять, с одним условием: не пугать людей снаружи.

Получив особое разрешение, кровавая лоза тут же насладилась свободным воздухом внешнего мира. Материнское тело лежало на подоконнике в офисе и грелось на солнце, а дочерние лозы шныряли по окрестностям фермы. Деревня семьи Цзян тоже входила в число мест, куда они часто наведывались.

Нин Вэньвэнь сидела на корточках у стены и вздыхала. Она уже несколько дней не видела Цзян Лэ. В эти два дня только один парень с фермы по фамилии Мао каждый день приносил немного еды для обмена. Из его слов они узнали кое-какие новости: через несколько дней ферма публично откроет набор работников, тогда можно будет записаться. Только выбранные работники смогут жить внутри фермы.

Нин Вэньвэнь посмотрела на свои тонкие руки и ноги и немного забеспокоилась, что её не выберут.

Для беженцев, которые пришли не вместе с их партией, это, наоборот, была хорошая новость, поэтому они радовались.

На их фоне настроение Нин Вэньвэнь стало ещё унылее.

Вдруг краем глаза она увидела, как что-то мелькнуло в траве. Немного знакомое. Нин Вэньвэнь потёрла глаза и снова заметила один отрезок. Убедившись, что не ошиблась, она шагнула вперёд, догнала на пару шагов и окончательно поняла, что это именно то, о чём подумала. Тогда она радостно крикнула:

— Кровавая лоза!

Ползший отрезок лозы и правда замедлился, затем выпрямился из травы и повернулся в сторону Нин Вэньвэнь.

Нин Вэньвэнь, словно увидев старого друга, сама подошла ближе и спросила:

— Ты меня помнишь?

Кровавая лоза не двигалась, но Нин Вэньвэнь решила, что она её помнит.

Поэтому она начала жаловаться ей как поверенной в сердечных делах:

— Эх, я очень хочу попасть на ферму, но не знаю, смогу ли соперничать с теми мужчинами. Я видела, среди остальных есть ещё двое обладателей способностей. Может, ферма сначала выберет их?

Кровавая лоза, казалось, слушала очень внимательно.

Но на самом деле она просто улавливала молекулы запаха вокруг Нин Вэньвэнь. В восприятии кровавой лозы была видна только общая человеческая фигура, составленная из молекул запаха. Что до звуков, лоза думала лишь: бормочет что-то, можно ли где-нибудь откусить кусочек?

Каждый день в исследовательском институте есть до отвала было для кровавой лозы прекрасным воспоминанием, но заодно избаловало её вкус. Теперь, стоило ей увидеть человека, как есть всё равно хотелось.

Но как ни крути, есть было нельзя.

Кровавая лоза уже хотела уйти, но, увидев, что она разворачивается, Нин Вэньвэнь снова обошла её и продолжила говорить.

Терпение кровавой лозы исчезло. Через молекулы запаха она снова увидела, как мягкие длинные волосы Нин Вэньвэнь колыхнутся в воздухе. Вообще, кроме плоти и крови, человеческие волосы тоже обладали особенным вкусом. Почти как маленький перекус.

Слишком уж это было чрезмерно. Её прямо вынуждали совершить преступление.

Нин Вэньвэнь всё ещё тараторила, а кровавая лоза уже не выдержала. Она со свистом подпрыгнула и с такой скоростью, на которую Нин Вэньвэнь совсем не успела отреагировать, разом обвила её волосы. Выпустила совсем немного едкой жидкости, и волосы тут же растворились и оборвались. Кровавая лоза даже не забыла присосками втянуть лишнюю жидкость, чтобы действительно не обжечь этого хрупкого человека.

Когда Нин Вэньвэнь пришла в себя, кровавая лоза уже утащила большой клочок её длинных волос в глубину травы и в мгновение ока исчезла.

Нин Вэньвэнь подняла руку и потрогала голову. Её длинные волосы, которые она раньше так берегла, теперь превратились в короткую мальчишескую стрижку.

Не понимая, зачем кровавая лоза это сделала, Нин Вэньвэнь чуть не расплакалась. Она долго переваривала реальность, прежде чем встала и вернулась в дом. Девушка, жившая с ней в одной комнате, зевая, вышла наружу. Увидев Нин Вэньвэнь, она застыла:

— Тут рядом ещё и постричься можно?

Нин Вэньвэнь бессильно махнула рукой. Говорить ей не хотелось.

На следующий день Мао Сяофэй пришёл сообщить беженцам, жившим в деревне Цзянцзя, что ферма начинает набор работников. Все желающие могут подойти к окрестностям фермы и

пройти проверку. Те, кто её пройдёт, станут официальными работниками фермы и смогут пользоваться фермерскими льготами.

Но беспокоиться о средствах к существованию тоже не нужно. Те, кого не выберут, по-прежнему смогут жить в деревне Цзянцзя. В дальнейшем ферма каждый день будет выделять участок, требующий расчистки, коллективно направлять туда временно неработающих принятых беженцев и назначать сопровождающие охранные культуры, чтобы максимально обеспечить их безопасность в районах за пределами фермы.

Нин Вэньвэнь целый день унывала из-за волос, но, услышав эту новость, тут же быстро привела себя в порядок и вместе с общей группой отправилась к ферме.

Снаружи фермы установили доску объявлений. На ней указали число работников, набираемых в этот раз, и примерные должности. Кроме Мао Сяофэя, отбором помогала заниматься Кун Шуя.

И Мао Сяофэй, и Кун Шуя чаще общались с беженцами снаружи и лучше знали их характеры, поэтому Цзян Лэ поручил это дело им.

Как и ожидала Нин Вэньвэнь, остальные беженцы пришли раньше их, были знакомы с людьми фермы, и большую часть почти без затруднений приняли в работники.

А вот им, тем, кто остался, было относительно сложнее. Одному человеку перед Нин Вэньвэнь уже отказали. Причина: он не слишком соответствовал требованиям должности. Ему велели сначала вернуться и ждать уведомления о возможном резерве.

Когда Нин Вэньвэнь попросили выйти вперёд, сердце у неё едва не выпрыгнуло из груди. Она с трудом улыбнулась Кун Шуя и стала ждать её решения.

Как раз в этот момент ворота фермы снова открылись, и Цзян Лэ вышел наружу. Он остановился рядом с Кун Шуя и спросил:

— Как идёт?

Кун Шуя сказала:

— Осталась последняя. Думаю, она вполне подходит.

Цзян Лэ посмотрел на Нин Вэньвэнь, проигнорировал выражение её лица, будто она от нервов вот-вот упадёт в обморок, и заметил её короткие волосы. Он не знал, откуда взялась эта стрижка, но всё же редко искренне похвалил:

— Неплохо. Подходит для работы.

Кун Шуя тоже кивнула.

— Я подумала так же.

Среди столько мужчин и женщин волосы Нин Вэньвэнь были едва ли не самыми короткими. Для девушки, которая явно любила быть красивой, разве этого ещё недостаточно, чтобы показать её решимость посвятить себя земледелию?

Это же просто слишком способная работница.

Даже когда Кун Шуя велела Нин Вэньвэнь встать в группу выбранных работников, та не сразу отреагировала.

Она... прошла отбор?

Через десять с лишним секунд, переварив эту информацию, Нин Вэньвэнь впала в бурный восторг. И вдруг в голове у неё сверкнула догадка. Взгляд сам собой упал на посадочный сосуд на запястье Цзян Лэ. Из щелей кровавой лозы высунулись несколько лозинок. Они, от нечего делать, вынюхивали молекулы запаха в воздухе и глядели на людей, утоляя голод взглядом.

Всё сошлось. Всё полностью сошлось. Нин Вэньвэнь взволнованно подумала: оказывается, в тот день, когда она выговаривала кровавой лозе свои тревоги, та всё выслушала. Она оборвала ей волосы вовсе не из дурного умысла, а чтобы помочь решить проблему. На первый взгляд поступок ранил, но в нём скрывалась сплошная доброта.

Если бы не кровавая лоза, сегодня она, вероятно, тоже стала бы одной из тех, кого отправили домой ждать резервного уведомления.

Нин Вэньвэнь крепко сжала руки. Её глаза ярко горели, когда она смотрела на кровавую лозу. Она решила, что та и правда редкое в этом мире мутировавшее растение: доброе, милое, умеющее снимать чужие тревоги.

Разве в мире нет истинных чувств? Разве в мире нет великой любви?

Только сама кровавая лоза ничего не знала о собственных высоких моральных качествах. Её лозинка завилась в воздухе кольцом, и единственное, о чём она размышляла, было: где бы раздобыть пару человек, чтобы их съесть.

<http://bllate.org/book/17649/1690966>